

KI 1496222

vac



ВОЛОГДА • XX ВЕК



Владимир КУДРЯВЦЕВ

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

«Вологда. XX век»

Владимир КУДРЯВЦЕВ

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

СТИХИ

К 1496222

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Вологда. 1999

РС
К88

+кр + кмн

Владимир КУДРЯВЦЕВ

Кудрявцев Владимир Валентинович родился в Костромской области на родине Ивана Сусанина. В 1976 году, окончив факультет журналистики Ленинградского университета, начал работать на областной студии TV в Череповце.

Шесть лет (с 1982 по 1988-й) возглавлял газету «Вологодский комсомолец», два года учился в аспирантуре Академии общественных наук в Москве на кафедре средств массовой информации. В 1990 году на конкурсной основе был утвержден на должность начальника областного управления культуры.

Владимир Кудрявцев публиковался в местных и центральных газетах и журналах, коллективных сборниках, изданных в Москве и Архангельске, был участником VIII Всесоюзного Собрания молодых литераторов, автор книг «Венцы» и «Алевтинин ручей».

Член Союза писателей России. Живет в Вологде.

* * *

День и ночь идут дожди.
Ветры злобствуют осенние.
Ни просвета впереди,
Ни надежд на прояснение.

Испытал я на себе —
Тяжелее нету бремени
Ни в природе, ни в судьбе
Межсезонья и межвременья...

КОНЕЦ ВЕКА

1

За окнами шел тихий дождь...
Родился я в крестьянском доме
В тот год, когда оставил вождь
Скорбящий мир на переломе.

Я мир застал не в лучший час,
Но мы не выбираем время.
Оно подхватывает нас,
Как ветер — вызревшее семя.

И от рожденья своего,
От первого земного крика
Мне жить до смерти под его
Неумолимым грозным ликом.

И что судьбою нам дано —
Никто не ведает, не знает,
Когда, младенцев, нас — оно
На царство Вечности венчает.

Когда, как Божий перст, заря
Сверкнет в разломе туч случайно,
Когда весь мир у ног, и я
Его глаза, душа и тайна...

2

Я верил — там, в стране лесной,
Весь мир под солнцем и луною —
Мир, заново открытый мной
И сотворен впервые — мною.

Я помню, как рождался снег,
Как хлопья жгли мою ладошку.
Я знать не знал — какой там век,
Какое время под окошком.

В кипящих сумерках — шурша,
Снег укрывал тропу и крышу.
Во мне, как зернышко, душа
Проклюнулась и — я услышал,

Как ангелы, трубя с небес,
В зашторенные мглою дали,
На поле черное и лес
Снег ворохами высыпали...

Но вот забрезжила звезда
В такт моему сердцебиенью.
И наступил он — час, когда
Свершилось таинство рожденья

Судьбы...

С тех пор звезда горит

То ярче, то бледней соседних,
Звезда моих земных орбит
От первых дней и до последних.

Был тайной — Богом данный — мир.
От зыбки детской до могилы.
Я открывал его — любил!
Любовь к нему давала силы.

Еще был тайной для меня
Клин журавлей, взлетевших в небо,
Мир печки с таинством огня,
Мир дома, пахнувшего хлебом.

Я помню гром. Я помню снег.
Звезду-снежинку на ладошке.
Я знать не знал — какой там век,
Какое время за окошком...

3

Как я любил и как берег
Мои миры от зла и порчи
Вдали от столбовых дорог
С наивной верой в мудрых кормчих.

И веря в чудо перемен,
Мы сами ставили на крыши
Не оберег — кресты антенн,
Себя при жизни хоронивши.

Запричитал в избе эфир,
Как над покойником — заохал.
Отпел мой дом. Нарушил мир
И обручил меня с эпохой.

Судьбе и воле вопреки
Я чувствовал, теряя силы,

Как загуляли сквозняки
По душам и домам России.

Упал, прогнив, церковный крест.
Кресты на крышах заржавели.
Давно уже из-под небес
Мне славу ангелы не пели.

Век на исходе. Век мольбы.
Смертельной схватки тьмы и света
В переплетениях судьбы
Вождей, народов и поэтов.

Любви и лада Век был чужд.
Век озарений. Век измены.
Век дьявола и падших душ,
Век мучеников и блаженных.

Наломано голов и дров.
И сгинут в адской пасти зверя
Осколки маленьких миров,
Обломки рухнувших империй.

Прости, Господь, мои грехи.
Благослови с врагом на битву.
Я исповедь вдохнул в стихи
И через них творю молитву.

Молюсь на ту мою звезду,
Открывшую мне глубь Вселенной
В том, достопамятном году,
В родном, но вымершем селении.

Я на тебя молюсь, Звезда!
В минуты взлетов и паденья.
И жду тот час — тот миг, когда
Свершится чудо обретенья

Звезды...

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Вот опять над угором седым
С огородов, где черные грядки,
От костров поднимается дым —
Дым Отечества — горький и сладкий.

Отзываясь на запах его,
Перепутаешь дни и эпохи.
Дым над полем висит — и всего!
Но дыхание сводит на вздохе.

Вдруг призывный пронзительный звон
Дальним эхом напомнит о ком-то
Из иных, из минувших времен,
Издалёка — из-за горизонта.

И встревожит померкшую даль
Грозный отблеск пожарищ и сечи,
И душой овладеет печаль
О безвестных и канувших в Вечность.

Обо всех. О самом о себе.
О согретых судьбой, о гонимых,
Обо всем — о родимой избе,
Обернувшейся пеплом и дымом.

Потому, ставший нынче седым,
Сам и запаху внемля и звуку,
Полюбил я Отечества дым
Через горе утрат и разлуку.

* * *

Покой вечерний не нарушу.
Зажгу в саду костер — и вновь
На светлый лад настрою душу,
На состраданье и любовь.

В звенящих сумерках — у дома
Взойдет на радость мне луна.
Засеребрит в полях солома,
Заиндевет тишина.

Хочу я мира и покоя.
И пусть костер, огнем пьяня,
Напомнит мне о том, какое
Настало время для меня...

НОЧНОЕ

На липких ветках дождь блестит.
Июль гремит по водостокам.
Ночь. А полгорода не спит —
Так много освещенных окон.

Меня тревожит красный свет
В окне напротив старой липы.
Кто там играет менуэт
Под ржавые дверные скрипы?

В каком-то дворике глухом,
К чужому подойдя порогу,
Я с болью думаю о том,
Что потерял свою дорогу.

Я не спешу идти домой.
Кружусь по улицам подранком.
Я в этом городе чужой.
А вы, прохожий?

Вы, гражданка?..

* * *

Ветер стих. И смолкли шорохи.
Я опять совсем один.
Под дождем погасли всполохи
Кленов рыжих и осин.

Первый день мятежной осени
Тих и светел, но уже
Мы и сами скорость сбросили
На последнем вираже.

Сад зарос. Трава нескошена.
Друг! Доволен ли судьбой?
Неужели все хорошее
Позади у нас с тобой?

Иль прошла пора мятежная
И у нас — уходим в тень...
Потому и сердце нежное
Громче бьется в тихий день.

* * *

За сердце рукой не держись.
Не верь разговорам и слухам.
А коль не заладилась жизнь —
Не падай в отчаяньи духом.

Вчерашнюю боль не тревожь.
Себя понапрасну не мучай.
Мы жили не плохо — и все ж
Могли бы, наверное, лучше.

Спокойней могли и дружней.
И были бы, верно, богаче.
Но жизнь — что поделаешь с ней?
Сложилась не так, а иначе.

Не так, как у справных людей,
У тех, что так счастливы с виду.
Но ты ни о чем не жалеи,
Тем более, им не завидуй.

Скажи, кто доволен судьбой?
Но завтра в мороз или слякоть
Нам будет, что вспомнить с тобой,
О чем пожалеть и поплакать...

* * *

Вот и осень загуляла
От столба и до столба.
Пахнут лугом сеновалы
И соленьем погребя.

И опять меня скрутила
Боль в прокуренной груди.
Вымывают мою силу
Морозящие дожди.

Выдувают мои мысли
Ветры северных широт.
И опять совсем раскисли
И дороги, и народ.

Вот и все — и кончен праздник.
Лишь, лукавый глаз кося,
По утрам сорока дразнит
Неуклюжего гуся.

Да еще хрустит капуста,
Отзываясь на мороз.
У кого какие чувства,
У меня — тоска до слез...

* * *

Журавли потянулись на юг.
Повернуло к холодной погоде.
Год прошел — завершается круг
Во Вселенной. Во мне. И в Природе.

От трудов отдыхает земля.
От работы — уставшее тело.
Опустели леса и поля.
И душа, замерев, опустела.

Видя мокрые гроздья рябин,
Загрустишь поневоле о чем-то.
Журавлей улетающих клин
Не раздвинет мои горизонты.

Не оденется травами луг.
До весны не отпустит усталость.
Словно вырвалось счастье из рук
И, сверкнув опереньем,— пропало...

* * *

Когда встречаю журавлей
Над желтой выкошенной пожней,
Душа становится добрей
И оттого еще тревожней.

«Курлы» клопочет серебрясь,
Как родничок из поднебесья.
С тоской ему отозвалась
В душе родившаяся песня.

В краю безлюдных деревень
На клич желанный — нет ответа.
И, как беда, крадется тень
С холма на холм за песней этой.

* * *

Николаю Осипову

Светло и тихо у родных берез.
Дом на краю с открытою калиткой.
Грачи хлопочут на ремонте гнезд,
Приветствуя тебя веселым криком.

Вновь после зимних обложных ночей
Друзья мои стоят у касс вокзалов.
Ведь и у нас — у нас, как у грачей,
Лететь на родину пора настала.

Туда, где рада солнышку земля.
И где опять, освобождаясь от стужи,
Затылки греют мерзлые поля,
А мы — остывшие за зиму души.

Я у твоих побуду у берез.
Они поймут, встречая человека,
Который, как и ты, не уберег
Покой на шумных перекрестках века...

ТРЕВОЖНОЕ

Тревожно в округе — и слышно
В ненастной до жути ночи:
Садятся на мокрые крыши,
Беду накликаая, грачи.

Срывает озлобленно ветер
Листву с утомленных рябин.
Горит под окном, но не светит
Растрепанный вздыг георгин!..

Сбиваются в стаи вороны,
Горланя победно во тьму.
Встревожены дети и жены,
Не зная пока — почему?

Деревня не спит. И в окошках
Огни, раскалясь добела,
Дрожат...

И «под драку» гармошка
С надрывом меха развела.

То в голос зальется, то стихнет.
И кажется ночью — не днем!
Достаточно искры и — вспыхнет
Округа слезой и огнем...

ОПАСНАЯ ЗОНА

Строят дом. В чане деготь скворчит.
На щербатом заборе ворона.
А над ней с красной надписью щит —
ОСТОРОЖНО!
ОПАСНАЯ ЗОНА!

Обойду я ее стороной
По разбитым тесовым настилам.
Пусть шипит у меня за спиной
В черном чане нечистая сила.

Береженого Бог бережет.
Не зевай и поглядывай в оба —
ОСТОРОЖНО!
ПОД ТОКОМ!
УБЬЕТ!
Как прочтешь — передернет ознобом.

И в душе зашевелится страх.
Не входи, коль в себе не уверен,
В серый дом, где на красных дверях
Нарисованы кости и череп.

Сколько их — заградительных зон!
Сколько разных табличек и знаков!
Как укор —

ОСТОРОЖНО!

ГАЗОН!

Как пощечина —

ЗЛАЯ СОБАКА!

Вдруг поймешь с удивлением ты,
Что любая опасна дорога,
Если справа и слева щиты —

НЕ ВЛЕЗАТЬ!

НЕ КОПАТЬ!

и

НЕ ТРОГАТЬ!

Сотни просьб, обращенных ко мне —

НЕ БРОСАТЬ!

НЕ КУРИТЬ!

НЕ КУПАТЬСЯ!

На стекле, на дверях, на стене —
Приучают ловчить и бояться.

Хочешь жить — пробирайся в обход —
По заказу, по блату, по брони,
Через базу иди, черный ход,
Там, где вход запрещен посторонним.

И без этого короток век.
Я боюсь, охраняя газоны,
Что уже скоро сам человек
Превратится в

ОПАСНУЮ ЗОНУ!..

ИСХОД

1

Вершатся жизнь и смерть
На старом белом свете.
...Ты умирал один.
О вспыхнул кто б!
Ноябрь.
Морозный день.
Конец тысячелетья.
Крестьянская изба,
В избе —
Сосновый гроб.

Какая-то напасть,
Какая-то проказа
На каждую семью,
На каждый дом и род.
Как будто к счастью нам
Уже и путь заказан,
Как будто обречен
На гибель весь народ.

И вот опять стою
Перед крыльцом —
У входа
И не могу войти
В знакомую избу.
А в ней еще одна
Трагедия исхода —
Жена в параличе,
А ты лежишь в гробу...

Уж легче бы тогда
Похоронить всех разом.
И дело бы с концом,
И меньше бы хлопот.

Не добровольно, нет,
А строго по Указу:
Ведь он у нас такой
Послушливый народ.

Похоронить бы всех,
Кто слаб, убог и болен,
Кто отпахал свое,
В ком не осталось сил.
Похоронить бы всех.
Такая, видно, доля
Всех тех,
Кто не сумел
Вписаться в новый мир.

В безумный этот мир...
И ты вот,
Дядя Витя,
Ушел в другой, к тому,
Кто там уже давно.
Теперь в деревне смерть —
Обычное событие,
Хоронят каждый день.
Кого?
А все равно...

2

Но как ни тяжек грех,
В час смерти,
В час прощанья
Мы вспоминаем вдруг
О Боге и душе.
И близких нам людей
Везем на отпеванье,
Еще при жизни той
Потерянных уже.

Священник приходской
В холодном старом храме,
Над грешною душой
Молитву сотворя,
Пытается сказать
О нашей общей драме,
Еще — напомнить нам
О смысле бытия.

Смысл потерявшим —
Нам
И в горе безутешным,
Он говорит живым
О Боге и Судьбе.
И обращаясь к нам,
Изломанным и грешным,
Он заклинает нас
Подумать о себе.

Подумать о душе.
Кому живем в угоду —
Себе или врагам?
Как вразумить слепца!
Иль дьявольский обряд
Утраты и исхода
Вершится на Руси
Как таинство конца?

Я слушаю его
И всматриваюсь в лица.
Потухшие глаза —
В них скорбь
И ужас в них.
Пора, давно пора,
Но как остановиться?
Пора, давно пора,
Но как спасти живых?..

Не первый ты ушел
Из жизни —
Не последний.
Не первый в ней прозрел,
Чтоб вскрикнуть и упасть.
И шестилетний сын —
Единственный наследник —
В земле лежит сырой...
Времен прервалась связь.

Под кронами берез
В земле,
До пуха взбитой,
Ты брата, и сестру,
И мать похоронил.
Кружится жесткий снег,
Звучит в тиши молитва.
Да не хватало слез,
И не хватило сил...

3

Какой трагичный круг!
От боли сердце стынет.
И сам немолод я,
Доживший до седин.
Семь братьев и сестер
Имел отец,
А ныне
Из всей большой родни
Остался он один.

И страшно оттого,
Что нам уже не страшно.
Привыкли ко всему —
И смерть не устршит.
Привыкли за столом
За дорогих за наших

Смиренно есть и пить
За упокой души.

Угрюмы мужики
Из деревень окрестных.
У них, у мужиков,
Заботушка одна —
Копать. Копать. Копать.
На кладбище не тесно,
И хватит за столом
Закуски и вина.

Напиться и уснуть.
День прожили — довольны.
Потом — девятый день,
За ним — сороковой.
Вон сколько их еще,
Старушек сердобольных,
Готовых хоть сейчас
На вечный на покой.

Пока еще они
Ведут обряд по чину.
Пока еще в шкафу
Их скорбное белье.
Но смерть уже глядит
Им,
Православным,
В спину.
И каждая из них
Предчувствует ее.

Когда они уйдут,
Мир станет холоднее,
А в этом мире мы
Несчастней и бедней.
Тогда, быть может, мы
И оценить сумеем

Еле сдерживая дрожь,
По вертлявому проселку,
По тропе,
Где желтой челкой
На ветру сбивалась рожь,
Было время — ну и что ж!

Лишь бы только ветер в спину!
Прибегал на радость — ей! —
За деревню, под рябину,
Было время — был бойчей!..

Вот и мост. Сбежал в лошину.
Мост все тот же, а ручей
Чивкнул, как птенец,
— Ты чей?

— Чей ты, чей?
Светло и звонко
Доносилось сквозь кусты.
— Твой же, милая сторонка!
Иль не рада встрече ты?

Здравствуй, сельская дорога!
Здравствуй, старая сосна!
Снова здесь я — слава Богу!
Вечер. Сумерки. Весна.

Не сворачивая — прямо
Я иду, где был знаком
На дороге с каждой ямой,
С каждой кочкой и кустом.

У берез и у черемух
Отдыхал не раз, когда
Уходил по ней из дому
Не на сутки — навсегда.

Легок путь мой был и весел
От избы до большака.
И, не слыша птичьих песен,
Сам взлетал под облака.

...Перепахана дорога.
Горек мой обратный Путь.
Не найти теперь порога,
Где бы мог я отдохнуть...

Для России беда — состояние,
Из которого выхода нет.
Очищение через страдание,
В нем — и мука,
и счастье,
и свет.

В нем — в призвание Вера
и в Бога.
Было так.

И так будет всегда —
И ведущая к Храму дорога
И ведущая в Никуда...

Все продаем, все покупаем.
Живем, друг другу потакая.
Но не любя.
Все разрешаем, запрещая.
Одних казним, других прощаем,
Но всех губя.

Мы любим почести и званья,
Грешим во всем — без покаянья.
Прости нас Бог!
Златые горы обещаем.
Вожей возносим и смещаем —
Всему свой срок.

И проклиная жизнь такую,
Мы строим, мучаясь, другую,
Чтобы потом
Вновь терпеливо ждать, как чуда,
Когда предаст Христа Иуда,
И грянет гром!..

Такая зима — не зима.
И лето такое — не лето.
Там оттепель сводит с ума,
Здесь слякоть — спасения нету.

Такое житье — не житье.
И радость такая — не радость.
О, долготерпенье мое!
Иль ты по наследству досталось?

Такая страна — не страна.
И люди такие — не люди.
Насилье.

Вражда и война.

Так было.

Так есть.

И — так будет?..

О, август, будь благословен!
Встречай меня из дальних странствий.
Вчера желал я перемен,
Сегодня жажду постоянства.

Во всем — и в жизни, и в любви.
Во всем — о, время роковое,
Почувствуй и благослови
Людей, не знающих покоя.

Будь благосклонна к нам — судьба!
И в августе дождем не мучай.
Щедрей наполни погреба
На черный день — на крайний случай.

Но постоянства нет и тут.
И здесь земля меняет краски.
А дни стремительно бегут
И приближают час развязки...

В ЛЕСУ

Иду неведомо куда.
Зову людей, но нет ответа.
Чем глуше лес,
Тем меньше света —
Неотвратимее беда.

Каким отмечен я грехом?
Куда идти —
Где дом?
Деревня?
Скрипят безмолвные деревья,
Заросшие зеленым мхом.

Течет неведомо куда
Река,
Скрывая дно оврага.
И будто соком
Волчьих ягод
Окрашена ее вода.

В глуши —
Ни птиц
И ни зверья.
Лишь камни серые
Угрюмо
Лежат,
Как брошенные думы,
Людей,
Заблудших —
как и я...

Столб у тропы — вороний трон.
И, накликав в поле вьюгу,
Скрипит победный крик ворон
Вслед птицам, полетевшим к югу.

Ворона села на жнивье.
Пришел и наш черед прощанья.
И столько в выходках ее
И гордости, и ликованья.

Слежу за ней издалека.
Вот, выказав свой птичий разум,
Глядит без страха — свысока,
Блестя стеклянным черным глазом.

Прошлась — поднялась на крыло.
И перелесков голых мимо
Курс выправила на село —
На лай собак и запах дыма.

И я, в предчувствии зимы,
О ней подумал по-другому
И понял, что она — не мы —
Еще верна родному дому.

В поселке ночь.
Ворота на замке.
На мокрых ветках
Сальный отблеск окон.
Горит звезда
В туманном далеке.
Ей,
Как и мне,—
Светло и одиноко.

ДОМ У ДОРОГИ

Светлый дом.
Наличники на окнах,
Дым над крышей,
Баньки у реки.
В палисаде
На морозе сохнут
Летней радугой половики.

Тишина.
Шуршит, срываясь, иней
С голых веток,
С гулких проводов.
Здесь,
Где столько света!
Столько сини! —
Горестный приют
Калек и вдов...

Над дорогой небо серое.
Вдоль дороги серый снег.
Непутевый я, наверное,
В жизни этой человек.

Вот опять куда-то еду я
Мимо сонных деревень.
Но пока и сам не ведаю,
Где закончится мой день.

Еду-еду — думу думаю,
Где застанет ночка — где?
Про житье и про судьбу мою
И о всякой ерунде...

Труден путь — легка дороженька.
Три часа — и двести верст!
Живы руки, живы ноженьки,
Не устал и не замерз.

Трасса. Скорость. Одиночество.
Но порой куда-нибудь
Мне, уставшему, так хочется
С большака пешком свернуть...

КУЗНЕЦ

На тихой речке скрипнуло весло.
Сидим на бревнах под высоким небом
В краю лесов, где знают цену слов
Не хуже — нет — чем знают цену хлеба.

— Три наковальни — много или нет?
Я ради смеха подсчитал однажды
И вышло так — стучал по двадцать лет,
Да, не совру, по двадцать лет на каждой...

Иван извлек кiset. Неторопясь
Достал газету из другой штанины.
Соскреб с колена высохшую грязь
И прикурил, согнув сухую спину.

На тихой речке скрипнуло весло.
В краю глухом, где я ни разу не был,
Иван поднялся и без лишних слов
Пошел на кузню под высоким небом...

ВОСПОМИНАНИЕ

Я уезжаю завтра из деревни
И от людей, среди которых рос.
Дрожат на стенах кружевные тени,
Клубится дым дешевых папирос.

Ороговевший тополь под окошком
Листву роняет, на ветру скрипя.
А на коленях задремала кошка,
По-свойски мою кофту теребя.

Прощальный стол — румяные старухи
Подводят лету красному итог.
И без стыда обсиживают мухи
С малиновым варением пирога.

Запели женщины — печаль во взгляде.
Заговорил в крови веселый хмель.
Я уезжал — чего, не знаю, ради
Из этих мест за тридевять земель...

Гори, костер осенних гор!
Друзья мои, меня простите.
Я так наивен до сих пор
И до сих пор так беззащитен.

Не в наказание ль за грехи —
Тоски нахлынувшей удушье,
Боль, уходящая в стихи,
И доброта — в чужие души...

Ухожу я — жребий брошен!
В темноту чужой тропой.
Замети следы, пороша,
Колкой снежною крупой.

Не бродяга, не скиталец —
Без вериг и без оков
Ухожу в седые дали,
В гул эпох и в глубь веков.

Не ищите, не зовите.
Не вернусь, не отзовусь.
В облаках — моя обитель,
А во мне — святая Русь...

Мы нерадивы с виду.
И все ж,
Потупя взгляд,
Мы ищем Атлантиду,
Мы ищем Китеж-град.

Живем как будто нервно;
Друг друга не любя.
Но каждый ищет Веру
И самого себя...

Гуляй, моя душа, гуляй!
Да развернись в гульбе пошире.
Октябрь за окнами — не май,
Не тьма, а свет в подлунном мире.

Твори, душа моя, твори!
Хотя бы в стол, хотя бы вчёрне.
От бледной утренней зари
До огненной зари вечерней.

Трудись, душа моя, трудись!
Всему живому чутко внемли.
Взмывай, отчаянная, в высь,
Не падай, грешная, на землю!

ПЕРЕД БУРЕЙ

Пугают всплеск немых зарниц
И нервные изгибы молний.
Я слышу крик парящих птиц
Над морем и каменоломней.

Пустынен брег и — никого!
У ног весь мир, как наважденье,—
Или за миг перед твореньем,
Иль перед гибелью его...

В МАСТЕРСКОЙ

Летний домик — не квартира.
А хозяйка хороша!
Здесь скрывается от мира
Одинокая душа.

Шаловливый шум залива.
Шелест листьев,
Шорох трав.
Белка пегая пугливо
Разыгралась,
Хвост задрав.

Уголок уединенья —
Душ скитальческих приют.
Здесь был первый день творенья
И последний будет тут...

НЕИСПОЛНИМОЕ

Так одному порой
Остаться хочется.
Но, видно, не понять,
Наивным,
 нам,
Что крепче мы,
Оставшись в одиночестве,
Привязаны
И к людям,
 и к делам...

Успокой меня, ночь,
От дневной суеты.
Остуди. Исповедуй.
Сорняки под окном у меня —
Не цветы!
Торжествуют победу.

Укроти в моем сердце
Предательский страх.
Где вы, старцы святые?
Я по совести жил.
Но опять в дураках —
Торжествуют другие...

Не время — времечко пришло.
Бери котомку.
На улице светлым-светло,
А я в потемках.

Не день пришел — пришли деньки
С грозой и ливнем.
На черном омуте венки
Из белых лилий.

И счет пошел не на года,
А на години.
Не рыба в новых неводах —
Ерши да тина.

И снова будем верить мы
Не в быль, а в сказки.
Свет выхватил из кутерьмы
Не лица — маски.

Легла на грешный мир не тень —
Сошло затменье...
Уйдут деньки.
Наступит День —
Преображенья?!

ТУМАН

Какой туман с утра!
Какая
Вокруг таинственная мгла.
В какую сторону — не знаю
Моя дорога пролегла.

Пока и зверь молчит, и птица,
Мне захотелось навсегда
Войти в туман и заблудиться
И раствориться без следа...

ПИСЬМА ИЗ КРЫМА

Письмо первое

Здесь столько солнца!
Столько неба!
И только синяя вода!
Я так давно на юге не был
И буду ли еще когда?

Мне не в диковинку и эти
Над головою облака,
И тиной пахнущие сети
В руках седого рыбака.

И эллинги вдоль побережья —
Приют рыбацких катеров.
Я здесь как будто был и прежде
И помню запахи ветров.

И все ж при всех богатствах юга
Мне не хватает всякий раз
Цветами пахнущего луга,
Такого луга, как у нас.

А тут трава суха, колюча.
И жаль мне, жаль коров и коз.
Они ее, должно быть, мучась
Жуют, зажмурившись от слез.

Их на часок бы в наше поле,
Где пар клубится от земли.
Вот было бы для них раздолье,
Вот где бы душу отвели!

Где пруд затянут мелкой ряской,
Где лес давно исхожен весь,
Где тоже жизнь — пускай не сказка,
Своя, какая ни на есть.

Не пруд, а море здесь — под боком.
С таким достоинством, с такой
Своею думою глубокой,
А в ней — то буря, то покой.

И перед ним, таким спокойным,
Как перед матерью седой,—
Бессмысленны вражда и войны,
Бунт, беспощадный и слепой.

От радости глаза зажмурю.
Тут, верно, рай и в шалаше.
Как хорошо, когда нет бури
Ни в море Черном, ни в душе.

Письмо второе

Здесь поневоле вспомнишь детство
И край лесной, где моря нет,
И то нехитрое наследство,
Какое мне оставил дед.

Журчаньем рек мой слух обласкан
И завываньем зимних вьюг.
Мои глаза привыкли к краскам,
К таким, каких не знает юг.

В душе моей уже с пеленок
Горел рябин холодный свет.
Я и любил других девчонок,
Таких, каких на юге нет.

И в час, когда закат над морем
Позолотил залива гладь,
Я вспоминаю лес и поле,
И под окном отца и мать.

Деревню нашу в летний вечер.
Церквушку тихую с крестом.
И звонкий голос светлых речек
Под развалившимся мостом.

Бельем пропахшую терраску.
Корявые снопы корья.
Я вспоминаю, словно сказку,
В которой был героем я.

Воспоминанья, как лекарство...
Давно ли бегал я мальцом.
Тогда в мое входили царство
Всего лишь пруд и дом с крыльцом.

Но постепенно — шаг за шагом
Окрестный мир я покорял —
Тут холм за Марьиным оврагом,
Там духовитый сеновал.

Играла сила молодая.
В ней были удаль и размах.
И, как любой, мечтал тогда я
О море и о кораблях.

Я не забыл об этом все.
Хоть силой, может, стал слабей,
Но, как мальчишка, я волнуюсь
При виде волн и кораблей.

И с чайкой раненой на пару,
Что каждый день приходит к нам,
Ищу я в море Алый парус,
Бегущий в гавань по волнам.

И верю я, как верил прежде,
Что есть за морем чудеса.
Я верю — сбудутся надежды
И подниму я паруса

Моей Судьбы.

И рано ль, поздно
Уйду в открытый океан
И буду курс держать по звездам
К причалам древних царств и стран.

Плывя сквозь время и пространство
Цивилизаций — я пойму,
Каким владел я в детстве царством
И чем обязан я ему.

От тех границ, от тех околиц
Земель открыл немало я.

Вкусил кнута. Вкусил и воли.
Узнал заморские края.

И все своим аршином меря,
Я поражался, видя их —
Руины рухнувших империй
И древних царств — у ног моих.

Я видел блеск Мальтийских храмов
И прах гробниц владык-царей
И понял, жизнь по жанру — драма,
Конец трагический у ней.

У жизни царств, людей, народов,
У жизни рек, лесов и гор —
Свой час рожденья и ухода,
Своя судьба и свой костер.

Теперь и я смирился с этим
И, как умею, жизнь ценю.
Я кланяюсь тысячелетьям
И вновь родившемуся дню.

Я кланяюсь начальной школе
И покосившейся избе,
Монастырю, ржаному полю,
Земляк далекий,— и тебе.

И этой бабке, что на склоне
Пасет сморенных зноем коз.
И первородящей Мадонне,
И гроздьям виноградных лоз.

Письмо третье

Я с этим чувством вышел в город.
Был полдень — самый солнцепек.
Побрел, задумавшись, под гору —
Мой путь не близок — не далек.

Нырнул под сень тенистых улиц,
Как на бору — в прохладу мхов.
Здесь во дворах квохтантье куриц
И строгий клеткот петухов.

Смотрю во двор — гараж, сарайка.
Бачок с водою на газу.
Стирает дюжая хозяйка
В эмалированном тазу.

А у порога, точно мертвый,
Лежит, откинув лапы, пес.
Старик худой, одетый в шорты,
Сидит — почесывает нос.

И так здесь мирно, так уютно
Вокруг домашнего огня.
И только кочет поминутно
С испугом смотрит на меня.

На ветках зреют абрикосы.
Стою и думаю опять
О том, что дворик этот —
Космос!
Попробуй-ка его объять...

Смотрю на куриц полусонных
И ржавый противень с зерном,
На двор, утопанный до звона,
На черепицей крытый дом.

Все так знакомо, так любимо,
Смотрю — и глаз не отвести.
Но прохожу, стесняясь, мимо —
Их столько было на пути

Таких вот дворики, в которых
Неторопливо жизнь течет,
Будь то деревня или город,
Большой иль маленький народ.

Их не найти и двух — похожих.
У каждого свое лицо.
Свой запах, цвет, привычки тоже.
Порог, калитка и крыльцо.

Свои владенья и границы.
И свой неписанный устав.
Коровы, козы, кошки, птицы
И потаенные места.

Свои предания и сказы,
Идущие из глубины.
Свои слова, словечки, фразы,
Реликвии и даже сны.

Но сколь они ни рáзны — все же
При всей их разности, в одном
Они во всех краях похожи —
Ведь центр их мира —
 это Дом!

И этот с красной черепицей,
И мой, который ставил дед.
Домами держатся столицы,
На них стоит весь белый свет.

Моей деревни нет на картах.
И пусть не вдруг, но понял я,

Что и у Кафы, и у Спарты,
И у нее — судьба своя.

И вот теперь у башен древних
Постиг, соединив в себе,
И Кафу, и мою деревню
В одной трагической Судьбе.

Пройдя сквозь время и пространство,
И сердцем понял, и умом,
Каким владел я в детстве царством,
Что значил в этой жизни — Дом.

И на последнем даже вздохе
Душой я буду слышать, как
Перекликаются эпохи,
Перекликаются века...

О, дивный мир! И где б я ни был,
Куд б ни шел, ни ехал я,
Над головою — солнце в небе,
У ног — вода или земля.

Но как ни мал и ни огромен
Наш шар земной — милее все ж,
Надежнее в родимом доме,
В краю, где вырос и живешь.

Где слух ласкают рек журчанье
И зимних вьюг протяжный вой,
Где мать украдкой на прощанье
Благословила нас с тобой.



СОДЕРЖАНИЕ

«День и ночь идут дожди...»	3
Конец века	3
Дым отечества	7
«Покой вечерний не нарушу...»	7
Ночное	8
«Ветер стих...»	9
«За сердце рукой не держись...»	9
«Вот и осень загуляла...»	10
«Журавли потянулись на юг...»	11
«Когда встречаю журавлей...»	11
«Светло и тихо у родных берез...»	12
Тревожное	12
Опасная зона	13
Исход	15
«Полыхает звонко зарево...»	20
«Смотри-ка, народился новый день!..»	21
«Вот и отпуск...»	21
«Здравствуй, сельская дорога!..»	22
«Для России беда...»	23
«Все продаем, все покупаем...»	24
«Такая зима — не зима...»	24
«О, август, будь благословен!..»	25
В лесу	26
«Столб у тропы...»	27
«В поселке ночь...»	27
Дом у дороги	28
«Над дорогой небо серое...»	28
Кузнец	29
Воспоминание	30
«Гори, костер...»	30
«Ухожу я — жребий брошен!..»	31
«Мы нерадивы с виду...»	31
«Гуляй, моя душа...»	32
Перед бурей	32
В мастерской	32
Неисполнимое	33
«Успокой меня, ночь...»	33
«Не время — времечко пришло...»	34
Туман	35
Письма из Крыма	35

Издание подготовлено к печати благодаря поддержке
генерального директора АО «Горстройзаказчик»
Петра Алексеевича Рыжкова

КУДРЯВЦЕВ Владимир Валентинович

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Стихотворения

Редактор *А. А. Цыганов*
Художник *Э. В. Фролов*

Сдано в набор 11.01.1999 г. Подписано к печати 1.02.1999 г. Формат 70x108/32.
Бумага писчая. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 1,93. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 3140.

Вологодская писательская организация
160000, г. Вологда, ул. Ленина, 2.
ПФ «Полиграфист», 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Но как ни мал и ни огромен
Наш шар земной — милее все ж,
Надежнее в родимом доме,
В краю, где вырос и живешь.

Где слух ласкают рек журчанье
И зимних вьюг протяжный вой,
Где мать украдкой на прощанье
Благословила нас с тобой.

«ВОЛОГДА • XX ВЕК»
Владимир КУДРЯВЦЕВ
«БЛАГОСЛОВЕНИЕ»

ВОЛОГДА • 1999